

«Ты такой несерьёзный. И глупый. И гиперактивный. И даже не заставляй меня начинать про твой стиль боя!»

Никогда в своей жизни я не чувствовал себя настолько американцем: зашёл в класс с пушкой, на что никто даже бровью не повёл. Уверен, где-то вдалеке в экстазе прокричал орёл. Я знал, нет, чувствовал это в глубине своей души. Если бы кто-то сейчас пустил мне кровь, то вместе с красным, из меня вытекал бы белый и синий. А возможно ещё звёзды с полосами, в зависимости от количества алкоголя во мне.

Команда BASS как обычно заняла место в переднем ряду по центру. Я застолбил эти места за нами в абсолютно каждой аудитории, и пусть кто-нибудь попробует нам что-то возразить.

— Вы где пропадали? — прошипела мисс Динамо, когда мы со Статистом приземлились на наши места.

— В магазине, — ответил Статист, смотря на профессора Усача (или как его там зовут) пустым взглядом. — Он сводил меня в магазин.

— Это был прекрасный акт укрепления мужской дружбы, — поправил его я.

— А по-моему, ты просто заставил меня купить эротику.

— Не моя вина, что в Вейле никто не спрашивает у подростков паспорт.

— Зачем кому-то спрашивать чужой паспорт? — спросил он.

— Вот пример, — указываю на сидящую рядом Блейк.

Она лишь молча подняла на нас взгляд.

— Не втягивайте меня в это.

Динамо шикнула на нас и Усач начал свою лекцию. Даже опоздав, я все равно пришёл вовремя. Отлично.

Занятия проходят именно так, как вы и могли представить. Обсуждение Гримм, военные байки, и как использовать примеры из второго, чтобы победить первых. Затем наступила та часть, к которой я готовился уже несколько недель. Момент, когда Усач выкатил клетку с кабаном-Гриммом и спросил, кто из присутствующих считает себя настоящим Охотником. Мой пульс

тут же участился, а ладони начали потеть. Прежде чем кто-то успел поднять руку, я быстро встал и поднял свою.

— Я, сэр.

Динамо вперилась в меня взглядом, и я улыбнулся в ответ. Пусть ты меня не любишь, Вайсс, но, по крайней мере, можешь уважать как лидера и напарника. Или хотя бы терпеть.

— Жон, верно? — довольно спросил Усач.

— Так точно, лидер команды BASS.

После этих слов перемахиваю через парту и приземляюсь перед преподавательской трибуной. Рысью подбегаю к сидящему в клетке Гримму пока профессор что-то говорил - это не имеет значения. Достав свою прелесть - сладкий новенький револьвер, который я окрестил «Поцелуйчик» и открываю цилиндр. Из патронташа выдвинулся скорозарядник и вставил патроны в барабан. Я уже почистил и проверил Поцелуйчик перед занятиями, поэтому у меня не было сомнений в его надёжности.

Просунув Поцелуйчик между прутьев, произвожу серию из всех 6 выстрелов практически в упор в морду Гримму. Как и ожидалось, быстрая стрельба, которая по-хорошему должна была раздробить запястье самому Терминатору и оглушить весь класс не заставила меня даже пошатнуться.

Красуясь, отвечаю поклон затихшему классу. Было очень сложно сдержать лезущую на лицо ехидную ухмылку.

Усач на мой перформанс ничего не сказал, лишь безмолвно наблюдал за мной, приподняв брови.

— Сэр, — обращаюсь к нему. — Да хрена с два я собираюсь терпеливо ждать, пока вы выпустите Гримма и превратите происходящее в настоящую битву. Если дело дошло до честного боя - это значит, что ты где-то ошибся на этапе планирование. Мы - Охотники, наша задача - сражаться с Гримм. Какая разница, ведём мы себя благородно или нет, важно лишь то, что мы живы, а наш противник мёртв.

Я практиковал эту речь перед зеркалом несколько дней. Даже немного позаимствовал парочку оборотов у Тома Клэнси и Эйнштейна. Ох, как же я кайфую от выступлений на публике и всеобщего внимания. Узрите же, смертные!

Я думал, что Усач сейчас накричит на меня или отчитает. Но вместо этого он лишь слабо улыбнулся. Неужели в его глазах промелькнуло одобрение?

Он похлопал меня по спине и рассмеялся.

— Отлично, Жон. Но в следующий раз не думайте, что всё будет так же просто. Можете возвращаться на своё место.

Когда я сел рядом с Вайсс, ехидная ухмылка снова вернулась на моё лицо.

— Это было самое тупое, что я когда либо видела в своей жизни, — прошептала она, сосредоточенно смотря вперёд, пытаясь не встречаться ни с кем из учеников взглядом.

Блять.

Маркиза приложила ладони к вискам, отсекая себе боковое зрение, и смотрела только на доску. Даже Статист... мне кажется, или Статист только что стал на десять сантиметров ниже и превратился в фавна?

— Да не так уж и плохо всё вышло, — пробурчал я, пытаясь сохранить лицо.

— Не разговаривай со мной. Я тебя не знаю, — сказала она хриплым, напряжённым голосом. — Мы никогда раньше не встречались. Подозрительный незнакомец!

Ну что ж.

Я вдохнул побольше воздуха, выпятил грудь и до конца лекции не сводил глаз с мистера Усача.

Мы... эм... в течение оставшегося дня мы не обмолвились ни словом.

Лишившись возможности поговорить со своей командой в обозримом будущем, я решил поработать в школьной литейной. Не успеваю оглянуться, как уже наступает ночь. Чтобы добиться максимальной производительности, я спал короткими интервалами в час максимум, периодически просыпаясь, чтобы проверить готовность смеси или состояние заготовки в печи. Завтра у нас занятий не было, так что в испорченном режиме сна не было ничего страшного.

У литейной имелось официальное название, которое у меня ни в какую не получалось вспомнить. Я посещал это место настолько часто, что спрашивать у кого-то сейчас было уже как-то неловко. Это было одно из тех названий, где написание не совпадает с произношением. Литейная представляла из себя своеобразную, открытую для всех студентов мастерскую, где они могли свободно создавать, модифицировать и обслуживать своё оружие. Здесь также имелся прямой доступ к тем чудным ракетным шкафчикам.

Студенты были вольны использовать оборудование под свои нужды и даже брать нужные им материалы. Если они создавали что-то стоящее, но при этом не нужное лично им, то при желании можно было «оформить возврат», продав снаряжение школе, что давало ученикам дополнительный заработок. Как я понял, продажа оружия Охотниками являлась распространённой темой, и Бикон был частью этого рынка.

Такие места, как литейная, были настоящим спасением для студентов: в том же ключе, как и политика школы в отношении оружия и боеприпасов. Изначально я опасался, что пистолет совсем меня без гроша в кармане оставит. Но Бикон позаботился об этом, списав все подобные траты как часть оплаты за обучение или на какие гранты они позволяют ученикам жить здесь. Академия бесплатно предоставляла всё необходимое для чистки и обслуживания снаряжения, а также патроны в любом нужном человеку калибре. С тех пор как я обзавёлся своим прелестным Поцелуйчиком, я набирал себе столько боеприпасов .500 S&W, сколько мне позволяли взять, надеясь однажды накопить на свой личный сухой бассейн для взрослых, с патронами вместо шариков.

Эй, у мужчин есть потребности.

Рана на груди болела. Обезболивающее перестало действовать, но хрена с два я просто брошу работу на полпути. Я удовлетворял свою оральную фиксацию при помощи жвачки и зубочисток, что помогало мне сосредоточиться.

Уже, наверное, сотый раз использую кофемолку для измельчения алюминиевой фольги. Мне нужно было смешать две части алюминиевой пыли, три части оксида железа и две части гипса. Добавив немного воды, я высыпал всё это в формочку для льда, дал сорок пять минут постоять, а затем отправил в духовку на пару часов, чтобы получить густую смесь. К тому времени пенопласт, который я положил в купленное вчера дизельное топливо, уже полностью растворился. Удаляю излишки газов и запикиваю получившуюся массу в несколько пустых бутылок от Амфетаминовой Колы.

— Неужели эта песня до сих пор популярна? — спросил меня кто-то.

Оборачиваюсь, со свистом втягивая воздух сквозь зубы. В дверях моей мастерской стоял мужчина в незастёгнутом костюме и слишком маленьких для его лица очках. Этот мужик с серебряной головой был просто огромен, не меньше двух метров ростом. Из-за этого я почувствовал себя гномом. Чёрт, он явно из персонала. Директор? У меня не получилось сходу вспомнить его имя.

— А? — спросил я, демонстрируя высочайший навык красноречия.

Он вошел в комнату и окинул взглядом плоды моего труда.

— Во время работы вы пели «Open Ground All Around».

— Не моя вина, что песня такая въедливая, — скрестив руки, отвечаю ему.

И я даже не солгал. Как я понял, в этой песне рассказывалось о двух отчаянных командах Охотников, которых окружили Гриммы, но, даже несмотря на обречённость ситуации, они сражались до самого конца, чтобы позволить мирному поселению эвакуироваться. Всё это под мощнейший сальса-бит, который залезал тебе прямо в голову, оккупировал там диван и поселялся жить, отказываясь платить за аренду. И нет, в том, что группа детей радостно пела о том, как же классно умереть благородной смертью не было совершенно ничего странного или неправильного. Ах, как вдохновляюще.

— Справедливо, — сказал директор. — Это то, о чём я думаю?

— Если вы думаете, что это самодельный напалм и термит, то да. А если нет, то нет.

Он взял кубик термитной смеси и повертел его в руках.

— Довольно необычный выбор оружия для Охотника.

Я огрызнулся:

— Если бы вам нужен был обычный Охотник, то вы бы не приняли меня в Бикон, — понятия не имею, насколько моё предположение правдиво, но мне казалось, что это довольно подходящий ответ.

Директор кинул на меня взгляд через плечо, в его карих глазах читалась задумчивость.

— Да. Думаю, вы правы, Жон.

Молчание. Поднимаю взгляд и смотрю ему прямо в глаза. Он пришёл сюда не просто так, я это чувствовал. Проблема в том, что директор не был похож на человека, который просто прямо скажет, что ему нужно.

— Насколько я понимаю, это вы продали весь тот термит профессору Масарику, — сказал он. — Он считает, что явно переплачивает вам, и его это беспокоит.

— Какой ужас, — отвечаю я. — В таком случае, позвольте мне сыграть ему «Деспасито» на самой маленькой Алексе в мире.

Он вскинул бровь.

— Вы, должно быть, копите на что-то особенное. Возможно, подарок для девушки?

Пожимаю плечами.

— На сырое мясо. О, а также немного пентаэритрита тетранитрата и циклонита, сэр.

— Вы уж простите меня, но я, к сожалению, не химик. И если верить поданным вами документам, вы тоже.

— Это основные ингредиенты для Семтекса, мощной пластичной взрывчатки.

Директор медленно кивнул.

— Мне сложно сказать, переоценивал ли я вас, Жон, или наоборот, недооценивал. И думаю, что я не единственный, кто столкнулся с подобной дилеммой.

— Не стоит меня недооценивать. У меня пятый дан по гугл-фу, — серьёзно произношу я.

Он, очевидно, не понял отсылку. Если мне не изменяет память, дефолтный поисковик в моём телефоне назывался Boggle, что можно было перевести как «тормозить», вполне подходяще. Хотя покроей пиджака директора наводил на мысль, что тот предпочитал более хипстерские поисковики.

Разговор забуксовал. Мы ходим вокруг да около.

В памяти всплыл комментарий к одному из эпизодов RWBY, в котором директор заявил, что он «совершил больше ошибок, чем вы можете предположить». Комментатор отметил, что в контексте какого-то там будущего сезона эта фраза приобретает совершенно новый смысл. Подобная двусмысленность была как раз в его духе.

Если я хотел узнать настоящую причину его визита, то ответы пришлось бы выбивать силой.

— Короче, сэр, буду с вами откровенен, — со вздохом начинаю. — Понимаю, что вы просто кайфуете с того, насколько вы загадочный и пугающий, но я задолбался настолько, что мне уже все равно. Так что если вы пришли чтобы сказать мне некое туманное, но офигительно важное напутствие, то переходите сразу к сути.

Тот не спешил отвечать, и вместо этого молча оценивал меня. В конечном итоге он просто пожал плечами.

— Ваш акцент изменился (П.П; В оригинале Жон часто говорит с сильным американским акцентом).

— Простите?

— С момента нашего собеседования. Честно признаться, мне он незнаком.

— Не замечал, — ответил я, нахмурившись.

— Должно быть, вы многое не замечаете. Но, полагаю, этого следовало ожидать, раз уж вы предпочитаете проводить своё свободное время здесь, а не с командой. Довольно необычно для человека, одержимого идеей сидеть в первом ряду на каждом уроке.

Мне потребовалось невероятное усилие, чтобы сдержать внезапно нахлынувшее желание заехать ему кулаком в рожу. Я смотрел на него как вздыбившийся кот.

— Это всё часть моей гениальной многоходовочки. Вам не понять.

— Разумеется. Наверное, так оно и есть, — сказал он с тонкой улыбкой. — Нет причин ожидать, что вы перестанете меня удивлять. К лучшему это или к худшему.

Я поджал губы и промолчал. Рана на груди пульсировала болью с каждым ударом сердца.

Он прошёл мимо меня и остановился только когда оказался в дверях.

— Для человека с такими образцовыми документами я ожидал от вас большего, Жон.

Пусть твой первый день в аду длится тысячу лет и пусть он будет твоим самым коротким.

Я стоял как статуя, пока он окончательно не скрылся из виду.

<http://tl.rulate.ru/book/110495/4197978>